

Перед кем из простых смертных и сам император голову обнажает?

Почему Байрон водил на занятия в Кембридже медведя?

Почему король Карл II запрещал подданным пить кофе?

Задачи & Головоломки

ПАРАДОКСЫ ПОЛКОВНИКА РЖЕВСКОГО

.....

Как Генрих VIII заработал себе прозвище «Медный нос»?

Как французский луидор предал короля Людовика XVI?

Почему кавалеристы сидят положив ногу на ногу?

Головоломка

Владимир Свержин

Парадоксы полковника Ржевского

«РИПОЛ Классик»

УДК 37.018.1
ББК 74.9

Свержин В. И.

Парадоксы полковника Ржевского / В. И. Свержин — «РИПОЛ
Классик», — (Головоломка)

ISBN 978-5-521-00108-8

Поручик Ржевский – герой и автор сомнительных анекдотов – и на склоне лет не утратил ни цепкого и наблюдательного ума, ни живости мысли. В этой книге он задает юному собеседнику сотню каверзных, веселых и поучительных вопросов из мировой и российской истории. Написанная с юмором и большим мастерством, книга будет интересна как школьникам, так и их родителям!

УДК 37.018.1

ББК 74.9

ISBN 978-5-521-00108-8

© Свержин В. И.
© РИПОЛ Классик

Содержание

Владимир Свержин	5
От автора	6
Застольные беседы полковника и кавалера Дмитрия Ржевского, записанные в его имении корнетом Ахтырского гусарского полка Платоном Синичкиным	7
Глава 1	7
Глава 2	12
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Владимир Свержин
Парадоксы полковника Ржевского

© ООО «Издательство «Пальмира»,
ПАО «Т8 Издательские Технологии», 2017

* * *

От автора

Книга, которую вы держите в руках, не похожа на другие – ведь она построена на воспоминаниях Дмитрия Ржевского! Да-да, того самого... Но уже не юного бесшабашного поручика – героя и автора скабресных анекдотов, а седого полковника, живой легенды войны 1812 года, которому богатый жизненный опыт только прибавил наблюдательности и остроумия. Богатейшие военные воспоминания Ржевского, исторические байки, парадоксальные загадки, каверзные вопросы и неожиданные повороты мысли записаны в форме беседы с одним желторотым гусарским корнетом.

Как же подобная книга могла появиться на свет? В основе ее лежит старинная рукопись, найденная... нет, не в бутылке и не в Сарагосе, а в Доме культуры маленького белорусского села на берегу Немана, где некогда находилось имение моих предков. Мне было отлично известно, что принадлежавший нашей семье небольшой господский дом сгорел еще в годы Великой Отечественной войны.

Я побывал в этом тихом, милом месте после того, как поставил своей целью найти хотя бы следы родового гнезда. В Доме культуры, объединенном с краеведческим музеем, мне охотно предоставили ценные сведения: оказалось, что до войны в усадьбе находился сельсовет. Захватив деревню, немцы устроили в ней военный штаб, куда в 1943 году прилетела стокилограммовая фугаска, оставив на месте усадьбы лишь обугленные руины.

– Впрочем, постойте, – спохватилась девушка-библиотекарь. – Как я могла забыть?!

Она открыла один из шкафов и достала пыльную выцветшую папку с незатейливой надписью «Дело».

– Вот эти бумаги чудом сохранилось во флигеле – видно, немцы их хотели пустить на растопку, да не успели. А наши солдатики бумаги собрали и отдали нам. Это же документы эпохи все-таки... Тут письма, заметки, фотографии... Ну да, ну да... – она с интересом поглядела на меня, затем вздохнула и протянула папку: – Возьмите, они по праву принадлежат вам.

Несколько дней я разбирал бумаги, чувствуя себя так, будто возвращаю из небытия людей и события давно ушедшей эпохи. По большей мере это действительно была личная переписка, порою совершенно не предназначенная для чужих глаз; хозяйственные записи, начатые и оборванные на полуслове; грязные, обожженные, нечитаемые записки о балканской и Русско-японской войнах, о китайском походе и взятии Пекина...

И вот с содержанием одной из найденных тетрадей я хочу вас сегодня познакомить, ибо история, рассказанная родичем моих предков, вышеупомянутым корнетом, поразила меня. Как она оказалась в архиве – не стану зря гадать, оставляю найденные и отредактированные мною записи на суд читателя. Надеюсь, что вас они порадуют не меньше, чем меня.

Ваш Владимир Свержин

Застольные беседы полковника и кавалера Дмитрия Ржевского, записанные в его имении корнетом Ахтырского гусарского полка Платоном Синичкиным

Глава 1 Сквернословы

– Заходи, заходи, приятель! Надеюсь, дорога была не слишком утомительна, и ты без труда нашел мое имение. Здесь все дышит миром, и двери всегда открыты для добрых людей.

– Здравия желаю, ваше высокоблагородие! – рявкнул юный корнет Платоном Синичкин, едва-едва надевший мундир одного из славнейших полков российской легкой кавалерии.

Двухэтажный барский дом с белеными колоннами располагался среди тенистого английского парка в семнадцати верстах от уездного города. Дорога к имению, примыкавшая к почтовому тракту, была на удивление ухожена и почти без перехода мягко перетекала в мощеную аллею, ведущую к крыльцу.

– Пустое! Здесь можно без чинов. Чай, не на плацу. – Седовласый полковник Дмитрий Ржевский молодецки подкрутил ус, втайне довольный бравым приветствием. Черная венгерка, шитая золотым шнуром, плотно облегла его широкоплечую ладную фигуру. И годы, казалось,

не властны над лихим гусаром. – Не стой столбом на крыльце, воображая себя императором Наполеоном!

– Помилосердствуйте! – опешил корнет. – Отчего же вдруг сразу Наполеоном?

Повинуясь распоряжению хозяина, юноша переступил порог гостеприимного дома.

– Э, братец, да ты темный, как пороховой дым! Обо всем-то тебе нужно рассказать, дабы в груди твоей гусарский дух жил, а не только буквы уставные в голове ворочались. Ну да за тем ты сюда и приехал, так что слушай... Эй, Прокофий! – перебив сам себя, скомандовал Ржевский. – Распорядись-ка подать самовар да вареньев, гостю с дороги передохнуть и подкрепиться надо! Хотя в твои годы – вновь повернулся он к корнету – я об усталости знал лишь понаслышке...

– Так что с Наполеоном, ваше высокоблагородие? – робко вымолвил Синичкин.

– С Наполеоном? Что с ним станется? Помер на святой Елене! Горяча, должно быть, была деваха, хоть и святая! Ладно, шучу-шучу. Такая там история случилась. Бонапарт, обходя лагерь, застал одного из своих гренадеров спящим на посту. Государь французов тогда, пожалев уставшего солдата, недвижно простоял с ружьем «на караул» несколько часов кряду, ожидая прихода разводящего капрала! После этого солдаты Наполеона были готовы следовать за ним в огонь и в воду – даже и к нам, в Россию! А вот и самовар поспел... Ай да Прошка! Прямо граф Калиостро – наперед знает, что надо делать!

– Вы что, были знакомы с Калиостро?!

– Сам нет, но дядя, бригадир, всякое о нем рассказывал... ну да не о нем сейчас речь. Слава богу, в стране тихо, не гремят военные трубы, а в доме жарко пылает очаг. Есть пища и для духа, и для брюха, да и чем запить, даст бог, найдется. Добрый гость – радость для хозяина. Нынче будет с кем скоротать вечерок старому гусару, ну а молодому понабраться ума-разума. Попотчуйся, братец, чем бог послал! Поди, оголодал с дороги! Все свежее, только из печи. А не желаешь чаю с ватрушками, то и посерьезнее кое-что сообразить можно.

– Что вы, господин полковник, пост же!

– Солдат и без поста на посту. Так что, когда есть, что есть, то и ладно. Поэтому давай без политесов. Гусары все – одна семья. А как в той семье жить, я тебе, братец мой, расскажу. У кого ж еще учиться жизни, как не у бывалого вояки, прошедшего в обнимку с пустоглазой едва ли не полмира: верхом, пешком, на корабле... Только что на ядре не летал, в чем, по словам моего дяди-бригадира, клялся один кирасир в рижском гарнизоне. Ну, то еще при матушке-государыне Екатерине Великой было...

– Сие и впрямь неправдоподобно, Дмитрий Александрович!

– А кто говорит, что правдоподобно? В жизни такие штуки случаются, что, если сам не видел, ни за что бы не поверил. Той же поры, врать не буду, я не застал: мал был, с деревянной саблей по задворкам бегал, «турок» громил. Только дядя мой, человек известной честности, про того кирасира из германских баронов, побожившись, рассказывал.

Полковник устремил взгляд в окно, за которым у подножия холма струилась река, и на залильном лугу паслись взлелеянные им тонконогие арабские скакуны.

– Минуло немало лет с того времени, как рубил я своей потешной сабелькой широченные зеленые щиты лопухов... С тех пор столько всего приключилось! Опыт, уж поверь мне на слово, лишним никогда не бывает, и знание, сколько ни копи его, все легко умещается в невеликом пространстве между ушами.

Ржевский печально вздохнул.

– Теперь, когда седина посеребрила мне виски, будто шнуры на ментиках Александрийских гусар, мне и самому порой не верится, что вытворял я, когда звался еще не полковником, а поручиком Ржевским... А уж то, что мне приписывают, – так и вовсе курам на смех!

– И впрямь много рассказывают, – оживился Платон Синичкин. – Вот, к примеру, история, будто в офицерском собрании вы как-то предложили испустить коня в шампанском.

– Бредни, корнет, бредни! Да ты сам подумай. Первым делом, это же сколько шампани пропадет ни за табачный дым! И второе – этакого «ароматного» коня неприятель за версту учуять может! А ну как ты в дозоре или в разведке? Это уже не шутки.

– Так что же, ничего такого не было? – расстроился юный гусар.

– Да как сказать... Все было, но не так! Дело обстояло в самом конце февраля тысячи восемьсот четырнадцатого года в одной французской таверне неподалеку от городка Бар-Сюр-Об. Мы укрылись там от французской картечи, бившей по нашему эскадрону почти в упор.

Наша попытка обойти корпус маршала Удино не удалась, пришлось отступить и сгорнеться от шквального огня. Но лишь только мы оказались в таверне, которая показалась нам надежным укрытием, ядро тяжелой мортиры разворотило крышу и в щепы разнесло презрительную бочку с молодым вином. Драгоценная влага в единый миг окатила нас волной с головы до пят. Увидев, что в крыше убежища нашего зияет дыра, как над выгребной ямой, мы сообразили, что оставаться здесь долее смысла нет. Уловили паузу между залпами, на галопе вылетели из таверны и с криком «Ура!» взяли батарею в клинки. Пахло от нас, натуральным образом, как из винной бочки. Вот пленные канониры и пустили слух, что их захватили пьяные «казаки ля рус» на пьяных же конях. Оттуда-то сия история и пошла.

Глаза корнета Синичкина загорелись неподдельным интересом.

– Да уж, весело вы в ту пору жили! Не чета нынешним!

– А вообще, как говаривал «ай да сукин сын», наше все, Александр Сергеевич Пушкин – «Блажен, кто смолоду был молод!», весело да со славой! А что всякие штатские штафирки честят нас пьяницами, сквернословками, гуляками праздными – то бог им судья! Не всем по канцеляриям штаны протирать да на паркетах вальсировать! Кому-то и Родину от супостата оберегать надлежит. Ну как, все еще постишься или, может, по шампанскому? У меня отличное «Клико» имеется.

– За Родину-то как бокал не поднять? – расправил плечи корнет.

– Эй, Прошка, неси дюжину шампанского! – Ржевский смерил фигуру гостя критическим взглядом. – Полдюжины!

Хрустальные бокалы зазвенели «вечерним звоном». И, довольно утерев седые усы, Ржевский вернулся к любимому занятию – честить шпаков, не нюхавших пороха.

– Злонамеренным поклепам их не верь! Зависть и недомыслие – вот имя и звание им. Мнят болтуны, что все познали и самого Бога за бороду схватили, но только Господу такие ученые брадобреи вовсе без надобности. И нам с ним заодно. Сам посуди, какой толк гусарам от греческих философий да римских юстиций? Наше дело – врага бить! Крепко и метко. Давай-ка за славу нашего оружия! Как говорится, между первой и второй пуля не свистнет!

А все же, братец, – всякому делу свой час... Вот нынче, выйдя в отставку, поселился я в имении. Образ жизни веду спокойный, размеренный и благородный: забочусь о хозяйственном устройстве, развожу скакунов и борзых, охочусь, а то и просто гуляю в лесу, в реке купаюсь, в проруби опять же... Что еще: много читаю, порой рисую, уж как Господь умением наделил. В меру разумения своего, но от души пишу о подвигах и походах лет былых, чтобы деяния наши в поколениях не забылись. Иногда с друзьями, соседями и прежними сослуживцами, пирую да под гитару пою – отчего ж не петь, коли душа просит? Словом, живу, радуюсь и помирать не намерен. По сей день подковы гну! А только с той поры, как ушел я из полка, в столице более не появлялся. Властных порогов не обивал, не лебезил и, упаси бог, перед сильными мира сего не пресмыкался. Никогда в сенатах и коллегиях не заседал, комиссий по реформе прежде учрежденного не возглавлял и впредь не намерен. Ни у кого подачек не просил, с чужого голоса не пел да и при дворе, господь хранил, рассуждая о высоких политиках и парижских модах, не занудствовал... Ох, что-то я себя расхваливаю, точно продать хочу! Ты уж прости старика, оно дело такое – сам себя не похвалишь, целый день ходишь, как оплеванный.

Но я о другом...

Загадка 1

...Знаешь ли ты, друг мой, как, по мнению древних эллинов, коими столь восхищаются в светских салонах высокоученые наши умники, именовался бы человек, ведущий подобный образ жизни?!

– Неужели счастливец? – корнет, восторженно глядя на полковника, затаил дыхание.

– Нет! Счастливец – это по-нашему. По-гречески же...

Ответ смотрите на с. 180.

* * *

– После своей отставки в столицу я больше не приезжал, – рассказывал Ржевский далее. – Уж больно нелепым казалось мне разгуливать где-нибудь по набережной, всякий раз снимая цилиндр и раскланиваясь со старыми знакомыми. А их у меня было в ту пору не счесть. С гусарским-то кивером этикие фортели проделывать не нужно. А тут ни дать, ни взять, китайский болванчик...

Загадка 2

...А кстати, в самом конце прошлого века мистер Гетерингтон, который цилиндр придумал, был оштрафован лондонским мэром аж на пятьсот фунтов, до того его изобретение перепугало гулявших поблизости дам и детей.

А ныне, поди ж, без цилиндра нет аристократа. Ну, ясное дело, из шпаков, то есть, из штатских. Но здесь-то, в тиши имения, шапку ни перед кем ломать не надо. Хотя, есть простой смертный, перед которым и сам государь голову обнажает.

Угадай-ка, кто таков?

Ответ смотрите на с. 180.

ОБЕР-ОФИЦЕР 2-го и РЯДОВОЙ 1-го
Конных полков С.-Петербургского ополчения, 1812–1814

Глава 2

Всё – на карту!

– А вот еще рассказывают, господин полковник... – корнет Синичкин, стараясь не смотреть в глаза хозяина, полюбовался игрой огоньков восковых свечей в хрустале бокалов, – что в карты вы спустили целое состояние.

– Так уж и целое! Раз уж мы нынче тут сидим да вдову Клико поминаем, то, стало быть, не целое – так, ломаное. А зачем оно ломаное-то нужно? Ну а правду сказать, что греха таить, играл-с и, бывало, по-крупной. Порою встаешь поутру из-за стола, весь пол усеян картами, сам знаешь, одну колоду дважды не играют, а золота на ташке¹ больше, чем в ташке. Смотришь вокруг и размышляешь: «добро бы все эти карты вдруг превратились в ассигнации». Другой бы, подслушав такие мысли, сказал: бредни, мол!

– Нешто по-иному, господин полковник?

– Ну так мы, почитай, еще ничего не выпили, чтобы я просто так окоlesiцу нес! В ту пору, когда странствовал я в Новом Свете, рассказывал мне один человек, достойный всяческого уважения капитан фрегата (не сенатор какой!), что прежде такое бывало. В Новой Франции, которая ныне именуется Канадой, при Бурбонах еще случалось, когда в колониях кончались наличные деньги. Совсем как у меня, после ночи игры в штосс в одном сомнительном варшавском трактире, – вчистую. Хоть шпоры в заклад носи! Ну, да я вывернулся: на сапоги поспорил, что из пистолетов своих обращу туз в пятерку. Тут уж не в мастях дело. Червонец выиграл, на том до полка и доехал...

Загадка 3

...А тамошним властям что делать? Этак деньги зарабатывать – тузов не наберешься, хоть в ту пору туз и был самой мелкой картой...

Но французы, пусть даже и канадские, не зря считаются продувными бестиями: кое-что придумали... Да что я рассказываю? Вот ты бы как поступил?

– Ума не приложу!

– А ты приложи! Я тебе на правильный ответ уже изрядно намекнул.

Ответ смотрите на с. 180.

– А я в свой черед от большой игры отвратился и, хотя душа порой звала развернуться в полный мах, а все ж разум ее вовремя осаждал. Ну, прямо сказать, не всегда, однако с годами все чаще и тверже.

– Но как же вам сие удалось, господин полковник?

– Все, как на духу, расскажу. Дело было осенью тысяча восемьсот шестого года, когда, едва получив офицерские знаки различия, окунулся я в безудержные кутежи, по моему твердому убеждению, подобавшие истинному гусару. Надо сказать, что гвардия наша в те дни как раз тяжело сражалась с Бонапартом за границей. Я же, пользуясь отсутствием истинных вои-

---

¹ Ташка – гусарская сумка с золотым вензелем. – Ред.

нов, горя мальчишеским рвением, торопился скрасить тоску петербургских юных дев и молодых жен, страдавших от недостатка мужского внимания.

И вот как-то в один из тех хмурых дней, когда, глядя в окно, недоумеваешь, всходило солнце нынче или нет, намерился я засесть за ломберный стол, дабы взглянуть в глаза удаче. Игра намечалась в доме графини...

– Уж не имеете ли вы в виду ту самую графиню, которая владела тайной трех карт графа де Сен-Жермена?! – глаза корнета Синичкина округлились. – Тройка, семерка...

– Пшик! Тебя, братец, слушаешь, так и меня граф Сен-Жермен без подарка не оставил – презентовал эликсир бессмертия! Когда я в гвардию вступил, той графине уж лет и лет было!

Но ты не перебивай, слушай. Теперь уже неважно, кто была та любезная моему сердцу обворожительница. А тогда я тщился блеснуть перед ней размахом и бесшабашностью, как многие юнцы, впервые встретившиеся со зрелой дамой, сияющей красотой и тонким женским умом. Как мне казалось, играл я расчетливо и умно, совершенно не обращая внимания на покашливание соперников, почесывание носа, касание пальцем бровей и тому подобные мелочи. А стоило бы.

– Нешто шулерская «мельница» оказалась в графском доме?! – побледнел от негодования корнет.

– Да ты сам сообрази. На что такую «мельницу» в рыбацкой хижине ставить? Блеском чешуи не расплатишься.

Поскольку знаков шулерских я в ту пору не знал, то в результате остался гол, как сокол, и вместо прелестного лика Фортуны увидел ее ягодицы, куда менее привлекательные, нежели те, что надеялся я в скором времени узреть.

Горькой элегией о разбитых мечтах, начертанной мелом на зеленом сукне, красовался передо мной счет проигрыша, и, когда бы цифры обратились в слова, они бы звучали мне приговором. Красавица-графиня лишь мило улыбнулась, оценив размер моего убытка, и выразила надежду, что нынче же вечером я вновь посету ее гостеприимный дом, с тем, чтобы вернуть карточный долг.

Наступило утро, едва отличимое от ночи, и просветление в моем возбужденном мозгу наступило вместе с ним. Когда б я решил выплачивать в счет репараций карточного разгрома свое жалование гвардейского корнета, то, верно, за два года и выплатил бы его. Без набежавших процентов. Можно было бы исхитриться да испросить из имения на полгода вперед свое не слишком богатое довольствие и разом передать деньги моим соперникам, но тогда мне пришлось бы жить все эти месяцы на воде, закусывая ее ржаным хлебом, густо посоленным балтийскими ветрами. Но и в этом случае ждать, покуда деньги окажутся в столице, пришлось бы не менее трех недель, а долг следовало вернуть тем же вечером.

– Незавидное положение! – посочувствовал корнет.

– Да уж куда как противное, хоть сам себе грошик в подаяние кидай. Размышляя, броситься ли с моста, пустить себе пулю в лоб, поставить свой кивер на церковной паперти или искать подмоги на стороне, я выбрал последнее. Впрочем, этот выбор ничего не добавлял, ибо все мои приятели тоже были не богаче постящейся церковной мыши.

Бродя по городу в поисках решения, я наткнулся на особняк вице-канцлера Колычева, и белые мраморные колонны дома показались мне единственным светлым пятном в серости дождливого полдня. И тут меня, будто молнией пронзило – ведь Колычевы нам хоть и не близкая, но все же родня! Развернув плечи, я устремился вверх по ступеням в античный портик. На вопрос хозяина, что привело меня в его дом, я честно, как подобает офицеру и дворянину, ответил, дескать, пришел отдать долг вежливости и взять в долг наличности. Родич мой рассмеялся сей шутке, а после открыл шкатулку и, достав несколько ассигнаций, протянул их мне. Когда же начал я рассыпаться в благодарностях, он запросто взял меня под руку и отвел к Аничковому мосту, находящемуся в нескольких минутах ходьбы от колычевского дома.

Погода, как я уже сказывал, была премерзкая: мелкий дождь изматывал душу и навевал сырое уныние, вода в реке Фонтанке поднялась, и казалось, еще чуть-чуть – и выплеснется на мостовую. Мост в ту пору был еще не таков, как сейчас: коней барон Клодт поставил много позже. Тогда же разводная часть была деревянной и поднималась на цепях, скрытых в четырех башенках. Мой почтенный родич указал на круглое зарешеченное окошко в мостовом устье, едва видное над водой, и сказал, что в прежние времена, еще при матушке-государыне Екатерине Великой, здесь размещали проигравшихся картежников-должников. Живое мое юношеское воображение быстро дорисовало жуткую картину, мигом перевернувшую все в моей душе. Я дал себе зарок никогда более не играть.

– Господи! Какая варварская дикость! – ужаснулся Синичкин, представив себя заточенным в опоре моста, заливаемой ледяной водой. – Неужели же в нашей просвещенной стране когда-то было такое?!

– Просвещенной – это от слова «свистать»? Что ж, просвистать у нас всякое могут. Но ты дальше слушай, – полковник лукаво разгладил усы. – Тем же вечером я пришел к графине, вернул ей всю сумму долга и поспешил откланяться, к ее немалому огорчению. Наутро я уже подал рапорт о переводе моем в действующую армию, а спустя неделю вместе с подкреплением, присланным в полк, отправился навстречу грядущим опасностям.

Но правду сказать, удержать зарок мне не удалось. Быть может, от того, что вскорости я узнал: решетки на мосту вовсе не темница, а лишь специальная камера для осмотра внутренней кладки. И ежели находил там бедолага нищий себе приют, то вовсе не волею государыни.

Впрочем, я на родича своего не в обиде. Для истинного гусара важно примечать да на ус мотать. Не зря же нам такие роскошные усы даны! Ежели понял меня, то ответь быстро и сметливо, как положено настоящему гусару...

Загадка 4

...Положим, у того же Аничкова моста стоит дворец князей Белосельских-Белозерских, а почти у самой воды – дом сапожника. Не дай господь, оба горят!

Какой дом должна первым начать тушить полиция?

Ответ смотрите на с. 180.

* * *

– Но как-то случилось, что мои познания в картах немалую пользу и мне, и Отечеству принесли! – вспоминал далее Ржевский. – Помнится, в царстве Польском дело было. Занял наш эскадрон один городишко, вытеснив оттуда французскую пехоту. Чуть свет на «ура», ворвались в фольварк и закрепились до подхода основных сил. Тут-то и выяснилось, что обозы приотстали, и есть-пить ни людям, ни коням нечего. Городок же сей французы уже настолько опустошили, что сами жители сидят на голодном пайке. Но мне сказали, будто рядом, в маетке, проживает некий гоноровый пан, отец французского полковника. Вот его-то запасов отступавшие не тронули. Отправился я туда купить еды да фуража, а пан тот – ни в какую. Уперся, как баран. Но я смотрю: на столе у него колода потертых карт валяется. Мигом сообразил, с кем дело имею. Предложил банчок раскинуть. Тот аж расцвел. Я сел, одним глазом на масти смотрю, вторым в окно кошусь: а вдруг как французы обратно нагрянут?! Но в тот день удача была на моей стороне. Как ни силился хитроумный шляхтич, а обыграть меня ему не светило. Так что вернулся я с груженными возами. Когда армия подоспела, еще и лишку оставалось. Выходит, худо бедно, а, почитай, «Станислава» 2-й степени я в картишки выиграл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.